

Наталья КОРОТКОВА

ЗАКОН ДИАЛЕКТИКИ

Р а с с к а з

Иван Матвеевич Переладов надумал разводиться. Вот так. Ни с того, казалось бы, ни с сего. И это — подумать только! — после сорока лет совместно прожитой жизни. О своем скоропалительном решении он сообщил дочери по телефону. Так прямо и заявил:

— Хватит. Попила моей кровушки. Вот теперь пускай одна поживет, помыкается, помотает соплей на кулак...

Дочь, зная шепутной характер отца, к новости этой поначалу отнеслась несерьезно. Однако, приехав на выходных вместе с мужем навестить родителей, встревожилась не на шутку. Мать из своей комнаты выходить отказалась, сославшись на нездоровье. Отец же был занят тем, что делил на кухне нехитрую утварь, громыхая посудой и нарочито громко комментируя свои действия:

— Чайник, так и быть, оставляю — владей, я и в кастрюльке себе чай вскипячу. А вот ножичек свой любимый — извини — заберу!

— Продукты тоже делить будете? — попыталась пошутить дочь.

— Смейтесь, смейтесь... — нахмурился Иван Матвеевич. — Отец родной из дома уходит, а им все хаханьки.

— И далеко ли собрался? — все еще улыбаясь, поинтересовалась дочь.

— Поначалу в летней кухне перекантуюсь, дальше посмотрим. А дом родительский... — старик выпрямился, прервав свои сборы. — Дом... — голос его дрогнул, — этой оставляю. — Он мотнул головой в сторону плотно закрытой двери. — Пускай тут одна барствует. Не жалко.

— Папа, ну честное слово, смешно же, — начала было дочь примирительно. — Сорок лет прожили — и на тебе! У вас же юбилей через неделю — рубиновая свадьба. Гости съедутся, друзья...

— Вот и гульнете тут без меня! А я все — баста! Умываю руки. И вообще... У меня, может, новая жизнь начинается. Я, может, заново женюсь! А что? Найду себе молодую...

— Ну конечно, — поддела его дочь. — Жену молодую в летнюю кухню приведешь? Да и зачем ты ей, молодой, нужен-то? Ты у нас кто? Олигарх? Подпольный миллионер Корейко?

— Иван Матвеевич, ну действительно, — попытался деликатно вклинить в разговор зять. Он все это время сидел тут же, уткнувшись в экран смартфона.

— А ты вообще помалкивай. — Старик грозно зыркнул в его сторону. — Тещин подпевала!

Зять тут же осекся.

— Тебе по сроку службы вякать не положено! Ты сколь лет женат? Семь-восемь? То-то! А ты сначала поживи с мое с таким хомутом на шее, а потом уж советы раздавай.

Зять благоразумно предпочел промолчать и снова уткнулся в телефон — от греха подальше.

— Деда, деда... А можно я тоже с тобой? В летнюю кухню! — обрадовался внук Санька, с интересом наблюдавший за сборами главы семейства. — Мама, можно?

— Кыш отсюда! — цыкнула на него та.

— Ты бы хоть внука постыдился. — Дочь с укоризной посмотрела на отца. — Ведь пожилой человек... Разводиться он собрался. Срам, да и только.

— А ты меня не срамоти! Ишь, сопля! — взъярился старик, бухнув на стол мешок с собранными пожитками, и, громко хлопнув дверью, вышел из дома.

— Что делать будем? — Татьяна присела рядом с мужем.

— Да ладно тебе, не переживай, — попытался ее успокоить тот. — Что ты, родителей своих не знаешь? Тут же налицо первый закон диалектики: единство и борьба противоположностей. А самое главное в этом законе что?

— Что?

— То, что противоположности эти друг без друга обходиться никак не могут. Помиряются.

Татьяна вышла во двор. Отец, опустив голову, сидел на приступке у летней кухни.

— Папа, — дочь, присаживаясь рядом, приобняла его за плечи, — ты бы рассказал толком, что тут у вас произошло?

Старик, оскорбленно поджав губы, молчал. Наконец, выждав должную паузу, заговорил.

Началось все, как выяснилось, с совершеннейшей ерунды. На пустом, можно сказать, месте.

Иван Матвеевич давно обещал жене починить теплицу — зимой снегом крышу из поликарбоната продавило. Надежда Петровна даже придумала как. Поликарбонат менять — целая история, поэтому попросила

зятя — тот купил самой плотной пленки. Осталось только затянуть тепличку. О помощи по хозяйству Надежда Петровна мужа почти никогда не просила, полагая, что инициатива должна исходить от него самого. Хозяин как-никак! Тот же к хозяйству относился весьма индифферентно. И не по лености либо нерадению, а исключительно потому, что круг его интересов отличался необыкновенной широтой и разнообразием и пределами домохозяйства никак не ограничивался. Он много читал, живо интересовался политикой. А с тех пор как самостоятельно освоил компьютер, мог сутками «зависать» на просторах интернета.

— Надька! — выскакивал он, бывало, за полночь из комнаты и бежал к жене. — Что делается! Негры Капитолий захватили! Во у них заваруха пошла! Так им, пиндóсам, и надо! — Старик победно тряс кулаком.

Или:

— Нет, ты погляди! Америка-то хваленая... Нас, русских, ругают: дескать, бардак, живем как свиньи. А сами-то! Я нынче весь их Нью-Йорк вдоль и поперек излазил. По Гуглу, — пояснял он, столкнувшись с удивленным взглядом жены. — Дыра дырой! Грязюка кругом, мешки с мусором на каждом шагу. А дороги?! Хуже, чем у нас.

Жена, будучи человеком сугубо практичным, интересов мужа не разделяла. Ей не было никакого дела ни до негров с Капитолием, ни до дорог в Нью-Йорке. У нее огород не вскопан до сих пор, морковку сеять пора, тепличку ту же починить надо. Так что добытую супругом информацию она пропускала мимо ушей, проявляя возмутительную, с точки зрения Ивана Матвеевича, аполитичность в вопросах международной обстановки.

Она бы и в этот раз обошлась без мужниной помощи, да одной несподручно. Старик же в назначенный для ремонта теплички день захандрил. С утра слонялся по дому, вздыхал, побряхтывал... Несколько раз хватался за тонометр.

— Нет, ну ты посмотри! Давление, как у космонавта, а нехорошо, ломает всего... — Он присел рядом с женой, заглядывая той в глаза. — Может, вирус какой? А?

— Откуда ему взяться, вирусу? Ты ж из дома три дня не выходил.

— Так Жанна Игоревна твоя вчера притаскивалась. Она, поди, и принесла заразу. Я заметил, она носом шмыгала. Вот и у меня в носу тоже свербит. И глаза еще...

Старик, встав, прильнул к зеркалу.

— Во! И глаза красные. Ну точно — вирус!

— Что-то я не заразилась.

— Это все потому, что ты человек скучный и для микроба неинтересный, — парировал Иван Матвеевич. — А если какой сдуру к тебе в организм и попадет — сам скопытится. И все оттого, что шибко ты ядовитый человек стала в последнее время, Надежда. Что ни слово — все со значением, с подначкой...

— Сдался ты мне, подначивать тебя еще.

— И недовольная еще все время! Ты брала бы пример с меня. Вот у меня всегда хорошее настроение. А почему, спрашивается? Потому что я всем и всегда в жизни доволен и всему радуюсь. Вот вышел я во двор: солнышко светит, птички поют — и мне уже радость. А ты? Вот чем тебя, скажи, можно обрадовать?

— Теплицу мне почини.

— Вот до чего же ты, Надежда, меркантильный человек! Приземленный, я бы даже сказал. Дальше своего огорода ничего не видишь. Никаких у тебя других интересов в жизни нетути!

— Зато у тебя, — закусилась бабка, — интересов как у нашего Валета блох!

— А как же? — оживился старик, разом позабыв про вирус. — Ты вот знаешь, сколько я уже фильмов накачал с интернета? Наших, советских, — Саньке. И фильмов, и мультиков, и аудиокнижек, и музыки всякой. И «Радионяню» даже! Помнишь, раньше, бывало, радио утром включишь, а там: «Радионяня, радионяня, есть такая передача...» — запел дед, смешно приплясывая. — «Радионяня, радионяня, у нее одна задача...» Ты подумай, ведь по телевизору смотреть страшно, что нынче показывают. Дети идиотами вырастут. А я Саньке вчера...

Дед оседлал любимую тему. Часами просиживая в интернете, он поражался тому сколько же всякой разной полезной информации у него теперь под рукой. Раньше газеты да журналы выписывали, а теперь вот оно — все в одном месте. И всего-то за каких-то пятьсот рублей в месяц. Одно плохо: жена не разделяла его восторгов.

— Мне это неинтересно, — обрывала она его всякий раз.

— Так расширять надо круг интересов, Надежда! Работать над собой! — Старик ласково похлопывал жену по плечу.

— Некогда мне над собой работать, мне на огороде работать надо.

— Да ты подумай, вот помрем мы с тобой — кто твою теплицу вспомнит? И вообще... Что после тебя останется? А я уже три жестких диска закачал — внукам наследство. Считаю, бесплатно! Ты думаешь, это всегда такая халява будет? Не, они эту лавочку скоро по-любому прикроют или — еще хуже того! — поменяют все к едрене фене, переформируют. Вот ты слыхала про эффект Манделы, к примеру? Жуткая штука Мандела эта! — продолжал он. — Вот скажи, помнишь ты фильм «Место встречи изменить нельзя»?

— Да отстань ты, некогда мне.

— Не, ты погоди. Помнишь, Высоцкий говорит Конкину: ну и рожа у тебя... А дальше как? А? — Старик только что не подпрыгивал от нетерпения. — Как фраза звучит, помнишь?

— Вот пристал! Как-как... «Ну и рожа у тебя, Шариков!»

— А вот и нет! — Иван Матвеевич радовался как ребенок. — Пошли, покажу. Нет! Пошли, покажу!

Он тащил жену к компьютеру и щелкал по сохраненной на рабочем столе вкладочке.

— Ну и рожа у тебя, Володя! — со вздохом произносил Высоцкий.

— Во! Видала! — подпрыгивал на месте старик. — А ты говоришь!

Бабка обескураженно смотрела на экран, пытаясь найти какое-то разумное объяснение увиденному. Она-то этот фильм сто раз видела и прекрасно помнила выражение про «рожу».

— Нет, ты понимаешь? Они же специально нас с ума сводят!

— Кто?

— Известно кто! — Иван Матвеевич со значением закатывал глаза наверх. — Они уже много где поменяли. Вот смотри...

Но Надежда Петровна, потеряв уже интерес к увиденному, направлялась к выходу.

— Я ж не просто так, от нечего делать, целыми днями в интернете сижу, — вышагивал следом старик. — У меня, можно сказать, миссия такая! Я интеллектуальный багаж для наших с тобой внуков собираю. Ох, — он схватился за поясницу, — вступило что-то! Слушай, черт с ней, с теплицей этой. Завтра сделаем.

— Ага, щас!

— Не, ну правда, разогнуться не могу.

— Завтра у тебя еще какой-нибудь геморрой приключится.

Старик знал: если бабка себе что в башку втемяшит — все, пиши пропало. Хоть потоп всемирный, хоть Третья мировая — задуманное она доведет до конца.

— Что ж мне теперь — загнуться из-за теплицы твоей? Вот же хохляндия вредная!

Надежда Петровна по отцовской линии была хохлушкой, и муж в минуты раздражения всегда припоминал жене ее принадлежность к нации, хорошо известной своим невероятным и порой совершенно необъяснимым упрямством.

Бабка, снисходительно усмехаясь, отправилась в огород. Старик же, в сердцах плюнув, прилег вздремнуть. Сон, однако же, не шел, и через полчаса, охая и хватаясь за спину, Иван Матвеевич поднялся с дивана и выглянул в окно. Жена, примостив старую табуретку к теплице, опасно балансировала в попытке набросить пленку на крышу теплицы.

— Вот упертая, навернется же!

Накинув фуфайку, старик вышел из дома.

Управившись с теплицей, Иван Матвеевич присел отдышаться на завалинку, неодобрительно поглядывая в сторону супруги, которая о чем-то оживленно беседовала через забор с соседкой.

— Чего вы там с Жанной Игоревной шушукались? Мне, небось, кости перемывали? — поинтересовался он у подошедшей и присевшей рядом жены.

— Делать нам больше нечего.

— А то я не видел, как она в мою сторону зыркала!

— Да успокойся ты. Я на юбилей наш пригласила их с Анатолием.

— Час от часу не легче! Этих-то зачем?

Иван Матвеевич соседку терпеть не мог. Та, по его глубокому убеждению, разлагающе влияла на жену. Манерная, напомаженная, на голове всегда укладочка... Недавно еще и подтяжку лица себе сделала. Пенсионный фонд Российской Федерации, а туда же... Строит из себя...

Соседа своего — Анатолия, мужа Жанны Игоревны, он тоже не жаловал:

— Припрется опять со своими «простите-извините»... Вежливый до поносу! Да еще стихи свои дурацкие начнет декламировать.

Анатолий состоял в местном поэтическом кружке пенсионеров. Мало того — еще и председателем числился.

— Ну а стихи-то его чем тебе не угодили? — хмыкнула Надежда Петровна.

— Да слушать тошно! Стихоплет. Ему лет... — Иван Матвеевич замер, припоминая, сколько же соседу лет. — Да он, небось, еще Ленина видел! А все туда же: про цветочки да про любовь. Тьфу!

— Ты, главное, молчи, — одернула его жена. — Никто твоего мнения по поводу его творчества не спрашивает. И вообще, не все же такие дундуки черствые, как ты.

— А ты мне не указывай! Привыкла, понимаешь, у себя в школе командовать.

Надежда Петровна до того, как выйти на пенсию, преподавала в школе английский язык.

— И почему это я дундук, интересно? — Старик угрожающе вскинул брови.

— Ну а кто ты есть? — продолжала его подначивать Надежда Петровна. — Ты вспомни! Ты ж мне за всю жизнь ни одного цветочка не подарил.

— О как! Да ты ж сама меня и отчихвостила бы за то, что я деньги на всякую ерунду трачу. — Иван Матвеевич, хорошо знавший прижимистость жены, был искренне возмущен ее неожиданными обвинениями.

— Конечно, отчихвостила бы! А все равно — приятно. Анатолий вон, Жанна рассказывала, несколько лет в день их знакомства цветы приносил на автобусную остановку, где они впервые повстречались.

— Это еще зачем? — опешил Иван Матвеевич.

— Потому что человек тонкой душевной организации. Не то что ты.

— Ну конечно... Куда нам! Со свиным рылом — да в калашный ряд! — криво усмехнулся Иван Матвеевич. — И долго, интересно знать, он цветы на остановке возлагал?

— Да пока у него не спросили однажды, кто, мол, здесь погиб. — Надежда Петровна, не сдержавшись, прыснула.

Ивану Матвеевичу же было не смешно. Он прямо-таки оскорбился:

— Цветы... А ты забыла, как я тебе пальто за шестьсот пятьдесят рублей купил в девяностые, когда все вокруг последний хрен без соли додали?

Это правда. В чем угодно можно было обвинить Ивана Матвеевича, только не в жадности. Скорее — в неразумной расточительности. Если уж что понравится, то... Так и с пальто получилось. С хлеба на воду перебивались, а тут заходит в магазин коммерческий — так, из любопытства, тогда только-только первые открылись... А там — пальто: драповое, в пол, с воротником из чернобурки! Ни секунды не думал. Сбежал домой, собрал последнее, что было, еще и у мужиков подзаянл на работе. Принес домой обнову. Надежда надела, стоит перед зеркалом и плачет. И не поймешь: то ли от радости, что такое богатство на нее свалилось, то ли от горя, что последние деньги профукали. А он ей: «Один раз живем, Надюха!»

— Пальто... — усмехнулась бабка. — Когда это было?

Старик просто задохнулся от возмущения:

— Вот и выходила бы за своего Анатолия замуж! Он же к тебе клинья по молодости подбивал, я знаю. Что же ты за меня-то пошла?

— Дура потому что, — вроде как опять в шутку, но с легкой досадой, как показалось Ивану Матвеевичу, ответила жена. — Я вон как в огороде выйду, он мне всегда комплимент какой отпустит. А от тебя разве доброго слова дождешься?

Надежда Петровна не заметила, как зашла на опасную для себя территорию. Иван Матвеевич, невзирая на свой солидный возраст, был тем еще ревнивцем.

— Чего-чего? Это еще какие такие комплименты?! То-то, я смотрю, она из огорода целыми днями не вылезает. Я думал, об урожае печется, а она, оказывается, там с соседом перемигивается.

— Да ладно, ладно... Уж и пошутить нельзя! — Надежда Петровна включила было заднюю, но было поздно.

— Комплименты... Ты в зеркало-то посмотри! Тебе годов сколько? Старуха, а туда же...

Тут уже дал маху Иван Матвеевич. Замечания в свой адрес по поводу возраста и внешности жена не прощала.

— Старуха, говоришь?! — взвилась она. — Сам белый как лунь, борода до пупа, а туда же — старуха. Да мне сроду никто мой возраст не дает!

Что правда, то правда. Надежда Петровна, несмотря на то, что к услугам косметологов никогда не прибегала, кремами и теми не пользовалась, выглядела значительно моложе своего возраста. Стройная, подтянутая, да еще и одевалась всегда со вкусом. Со спины — так вообще девчонка. Выйдет, бывало, Иван Матвеевич жену до ворот проводить, когда та в магазин или еще куда соберется, калитку вроде прикроет, а сам одним глазом — так, чтобы та не заметила! — глядит ей вслед. Любуется, как она по тротуару вышагивает: каблуками цок-цок. Спина прямая, руку этак еще в сторону отведет... Как старик ни шифровался, бабка давно это дело просекла. И потому иной раз, не поворачиваясь, кукиш скрутит и за спиной выставит — на, мол, тебе. Выкуси!

«Вот же щеколда старая!» — посмеивался старик, любуясь и гордясь своей «хохляндией».

Надежда Петровна особой красотой не отличалась даже в молодости, когда они познакомились. Миловидная — да, ну так много их, милотвидных, вокруг. Но сколько в ней было грации, чистоты, легкости! Только Иван ее увидал, так сразу все и понял: вот же она — моя! Вроде всю жизнь только ее и ждал.

А руки? Какие у нее были руки! Аристократические, можно сказать, руки. Пальцы длинные, тонкие. Ноготочки вытянутые, овальные. Иван сердцем обмирал, любуясь на них. «И куда только все подевалось?» — удивлялся он, глядя теперь на изработанные, со вздувшимися венами руки жены. «Да и сам-то... — вздыхал он, разглядывая себя в зеркало. — Ничего от того прежнего Ваньки не осталось. Ничего...»

— Ну ладно. Поговорили — и хватит! — подскочил Иван Матвеевич. — Плохо тебе, значит, со мной жилось все эти годы? Ни цветочка, ни стихов... Жизнь мимо прошла! Ну ладно же, Надежда, хорошо. Я понял, понял...

Он шагнул к крыльцу, но тут же стремительно развернулся:

— Раз-з-звод!

И, войдя в дом, хлопнул дверью.

Татьяна, выслушав рассказ отца, с облегчением вздохнула:

— Я-то думала... Господи, боже мой! Из-за какой-то ерунды — и такие страсти. Ну что ты, в самом деле, маму не знаешь? Давай-давай, папа, подумались — и хватит. Пойдем, я вас помирю.

— Помирю... Я думал, она прощенья попросит, а она... — Голос у старика дрогнул.

— Я же еще и прощенье должна просить?! — Надежда Петровна, все это время таившаяся за дверью, выскочила на крыльцо. — Я? Прощенье? Не дожدهшься!

С этого дня чета Переладовых начала жить раздельно. Каждый — своим хозяйством. Из окошка Надежды Петровны доносились дурманящие ароматы разносолов. Иван же Матвеевич, который уже день сидящий на подножном корму, слатывал слюну. Готовить он не умел.

— Вот до чего же зловредная женщина! — сидя на крыльце, жаловался старик лежащему у ног Валету. — Это ж она нарочно плов готовит. Знает мою слабость. Сама-то терпеть рис не может. Все, все мне на зло... Одно слово — хохляндия! Древний укр! Ты, Валет, не знаешь, нет? Они ж теперь в учебниках пишут, что от древних укров произошли. Ага. Ну что ты! И море они Черное выкопали, да... Вот люди не верят, а зря!

Я, конечно, за всех не скажу. За всю, так сказать, нацию. Но моя — точно, как пить дать! — самый что ни на есть древний укр. Ей и море выкопать — раз плюнуть. Она ж в прошлом году, когда меня чуть insult не долбанул, считай сама сливную яму вырыла. Веришь, нет? На три куба! Начали-то мы, конечно, вместе. И нет чтобы потихоньку, с передышками, не торопясь... Куда там! Она же нормально, как человек, работать не может. Не-е-е... Ей пятилетку за три года подавай! Не зря в свое время секретарем комсомольской организации в школе была. Стахановка, блин! Сама упластается и других до смерти ухайдокает. Ухватила лопату и давай типа помогать. Я раз копну, она — два. Я — раз, она — два. А мне ж от бабы отставать неудобняк. Ну и загнала меня совсем: давление как шандарахнуло! В нашем-то возрасте разве так можно? Сижу на краю ямы этой проклятушей, а сам думаю: «Вот и все, Иван Матвевич, отработался». Надьке говорю: «Вызывай скорую». А она мне: «Да ты погоди маленько — может, отпустит». И снова за лопату! Какое «отпустит»?! Тут, того гляди, самого вскорости прикопают! И веришь, нет — прямо замогильным холодом в ту минуту на меня от ямы той пахнуло. А Надька лопатой знай намахивает. Мужа, не ровен час, вперед ногами со двора вынесут, а жене по барабану. А ты говоришь... Ей что яма сливная, что Черное море — все одно!

Да... А ведь сколько девок за мной ухлестывало. И покрасивше этой. И надо же мне было так напороться! Обмишурился я, брат, крепко обмишурился. И ведь, считай, пятый десяток с ней маюсь. На руки ее повелся, дурак. Какие у нее были руки, Валет! Нет, все остальное, что бабе положено, — старик изобразил руками в воздухе нечто волнообразное, — тоже, само собой, присутствовало. Да только где оно все теперь? А характер ее поганый — вот он, тучки! Кушайте, не обляпайтесь! Да... Разменял я свою молодость вот по такому, можно сказать, неравноценному курсу.

Валет подхалимски вилял хвостом: дескать, понимаю, хозяйин, сочувствую.

— Да ладно, не подлизывайся, сам-то к хозяйке харчеваться бегаешь. Предатель! Да и то... Мне-то тебя угостить нечем.

Старик помолчал, что-то вспоминая, и вдруг хохотнул:

— Хех! Это ж, я помню, мы с ней только поженились — медовый месяц, сам понимаешь... Дай, думаю, устрою ей сюрприз! С работы пораньше приехал. И, пока училка моя со школы не пришла, приготовил салат! Думаю, придет голодная, а тут банкетное, можно сказать, меню! А я ж сроду раньше не готовил. Ну, покрошил все, что в холодильнике нашел: колбасу, сыр, лук, яйца... Не помню уж, что еще. И все это, значит, сметанкой решил заправить. А сметана жидкая, ну я и ливанул прямо из банки через край. Да малость не рассчитал. Ну ладно... Перемешал. Смотрю. А салат мой — жи-и-иденский получился. Что, думаю, делать? А крошку хлеба туда — горбушечка бородинского в хлебнице была. Какая, думаю, разница? Все равно в животе все перемешается. Салат же

с хлебом едим. Посолил, поперчил, перемешал как следует. Дай, думаю, пробу сниму на всякий случай. Прогдегустирую, так сказать. Ложку в рот взял, и — веришь, нет, Валет, — чуть меня не стошнило. Салат-то мой жрать невозможно. Ну натурально отравя! И главное, ингредиенты-то все по отдельности съедобные. Обидно! Вот тебе и сюрприз. Авторская, блин, кухня. Ладно, думаю, не накормить, так рассмешить хоть. В салатницу все это дело переложил, петрушечкой украсил — живописно так. Жду, когда моя, значит, явится. Та правда, как пришла да увидела красоту такую — обрадовалась! А я ей: садись дорогая, угощайся. Та за ложку. Раз-другой с голодухи-то хватанула. И тут, вижу, скривилась вся. Сидит, глазами лупает. А потом выскочила из-за стола, дверью — хлопысть! Обиделась, понимаешь.

Ну что делать? Нет у человека чувства юмора. Ничего не попишешь. Да только что же я — зря старался? Не пропадать же добру. Я тогда на автобазе еще работал. Дай, думаю, отнесу мужикам в мастерскую: у них там пара кошек жила. Кошки-то, небось, не такие привередливые — сожрут за милую душу. Отнес. И что ты думаешь? На следующий день после того захожу к мужикам, а они мне: «Ты чем кошек наших накормил?» — «Что, — удивляюсь, — такое?» — «Сдохли, — говорят, — от угощения твоего!» Вот тебе и на... Веришь, нет? До сих пор неловко. От чистого сердца же! Я так понимаю, что, видать, какие-то я несоединимые компоненты в этот салат замешал, от сочетания которых даже кошкидохнут. Бинарное оружие, в натуре! А Надька мне еще до-о-олго припоминала случай тот. «Это ты, — говорит, — нарочно меня травануть хотел. Тогда уже, видать, задумал меня жизни лишить».

Старик закатил глаза.

— У нас за неумышленное убийство сколько дают? А? Это что ж? Если бы я ее тогда и впрямь того... Я бы уже давно отсидел и вышел. И жил бы себе спокойнехонько, горя не знал. Да... Ну ничего...

Старик, хватаясь за поясницу, — переклинило все-таки после теплички-то — поднялся с крыльца.

— Нам, Валет, фигня война — главное маневры! Пойду борщ сварганю. Пускай не думает, что я тут без нее совсем пропадаю.

Из дома тем временем вышла бабка.

— О! — поморщился старик. — Вспомнишь солнце — вот и лучик... Иди, Валет, иди отсюда, нечем мне тебя угостить. Ступай к хозяйке вон.

Насчет борща — это Иван Матвеевич погорячился, конечно. Борщ... Это ж целая история! Решил сварить себе лапшички.

Он зажег газ, поставил на плиту кастрюлю с водой и в ожидании, пока та закипит, присел на табуретку. Глядя на облезлые стены, Иван Матвеевич прикидывал, с чего бы начать благоустройство своего нового жилища.

Летняя кухня по назначению давно не использовалась и со временем попросту превратилась в сарай. Тащили сюда всё что ни попадя: тюки со старым тряпьем, пришедший в негодность огородный инвентарь, банки с засохшей краской — после ремонта остались, колеса от велосипеда с погнутыми спицами... По-хорошему, выбросить бы! Иван Матвеевич сколько раз собирался. И вроде возьмется уже, да все как-то жалко. Прямо рука не подымается: и то, думает, пригодится, и это еще, глядишь, в дело какое пойти может. А, пускай лежит... Нет, ну в самом деле. Вон холодильник ЗИЛ, что родители еще на свадьбу подарили, дождался же своего часа. Припасы в нем съестные хранить — куда с добром! А то мыши совсем одолели. Хорошо, Надьку в свое время не послушался. Та ведь ему всю плешь проела: увези на свалку да увези.

«Ничего-ничего... — Иван Матвеевич оценивающе разглядывал свое пристанище. — Я из времяночки этой такую лялю сделаю — Надька еще обзавидуется».

Да бардак-то ладно. Прибраться — не проблема. Другое дело, что летняя кухня давно требовала ремонта. Штукатурка на потолке местами отвалилась, обнажив дранку. Половицы под ногами ходили ходуном. На входной двери из-под рваного дерматина клочками торчала вата. «Надо бы еще дверь заново войлоком по периметру обить, чтобы зимой не сифонило. Старый истрепался совсем, — отметил про себя Иван Матвеевич. — И штапик на окнах поменять». До зимы ему здесь обретаться совсем не улыбалось, но, как говорится, врагу не сдается наш гордый «Варяг»!

Пока он накидывал план работ, вода на плите закипела. Достав из холодильника пакет, Иван Матвеевич на глазок сыпанул в кастрюлю вермишели. Помешал поварешкой, показалось — маловато будет. Подсыпал. Снова помешал. «Не, не наемся!» Добавил еще. «А вот теперь в самый раз!» — решил он, уже с трудом проворачивая поварешку.

Только накрыл кастрюлю крышкой, как на пороге нарисовался внук. — О-о-о... Санек! — обрадовался старик. — Да ты проходи, проходи. Чего в дверях-то застыл?

Иван Матвеевич обнял внука, усадил на табурет.

— А я, понимаешь, кашеварю тут. — Он кивнул на плиту. — Щас обедать будем. Садись.

— Меня бабуля пловом накормила.

Старик поджал губы.

— Пловом, говоришь? Ну да, плов с лапшой, конечно, не сравнить. Какое тут может быть сравнение!

— Да ладно, я и лапши поем, — поспешил успокоить Санька деда, заметив, что тот обиделся. — А ты, что ли, готовить умеешь?

— Само собой. Каждый мужик должен уметь готовить. Это только так принято считать, что кухня — не для мужчин. А на самом деле... — Иван Матвеевич многозначительно потряс поварешкой над головой. — На самом деле готовка женских рук на дух не терпит. Вот почему, думаешь, в самых знаменитых ресторанах что ни шеф-повар, то наш брат.

— Почему это? — удивился Санька.

— Да потому это! Мужик, он же в любом деле женщине сто очков вперед даст. Вот вам в школе про женщин-ученых каких-нибудь рассказывали? Нет? Правильно. А почему, думаешь? Да потому что все самые великие открытия мы сделали. А художники? Левитана, Поленова, Саврасова все знают. Помнишь «Грачи прилетели» в учебнике у тебя? А женщин-художников — ну вот хоть одну назови? То-то же! А композиторы? Да что там говорить!

Старик подскочил с табуретки и, с воодушевлением размахивая поварешкой, заходил по комнате.

— А в политике? Ведь женщин в большой политике раз-два и обчелся. И слава богу, я считаю. Баба, она только власть почует — все, пиши пропало!

Ведь что такое женщина, если подумать? Женщина — существо легковесное, поверхностное! И мыслит она неглубоко. Мелко мыслит!

А мужик? Он же в самый корень зрит! Ему в любом деле до самой сути дойти надо. Оттого и подход у нас ко всему серьезный. Основательный! А у этих? Они ж за что ни возьмутся — тяп-ляп и готово. И бабка твоя такая же! С той же теплицей взять. Это ж курам на смех! Я-то как хотел? Подкоплю, думаю, денжат, куплю поликарбоната пару-тройку листов да заново теплицу перекрою. Чтобы не на соплях, как сейчас, а капитально. На совесть! Да куда там... Ей же все с наскока, все бегом надо! И что в итоге? Сварганили залипуху какую-то. Перед соседями стыдно. И так в любом деле, чего ни коснись! А все почему? Все потому, что женщину ни до одного серьезного мероприятия на пушечный выстрел допускать нельзя. Категорически! И вообще... Женщина, она место свое должна знать. А то ишь — моду взяли: что ни начальник, то баба! А в семьях что творится? Кто у нас нынче в семье главный? Мать! Отец, тот иной раз вообще права голоса не имеет. Развели, понимаешь, матриархат. Вон хоть сосед наш. Сидит, понимаешь, как мышь под веником, — и не мыркает поперек Жанны Игоревны своей. А в школах? Вот у вас в школе среди учителей мужчины имеются? Физрук, поди, только?

— Не-е-е... Физру у нас Изольда Генриховна ведет.

— Кто-кто?

— Изольда Генриховна.

— Дожили. И сюда уже добрались. Вашей Изольде Генриховне с таким имечком где-нибудь в школьной библиотеке книжки бы выдавать, а она... Да... Вот так, Санек, по беспечности нашей, они власть и захватывают. Большое мы им послабление дали. А уж что касаясь поварского искусства, тут, брат, я тебе скажу...

Иван Матвеевич не договорил. Крышка на кастрюле приподнялась, и вермишель полезла через край.

— Ох ты ж!.. — Старик подскочил к плите, ухватился за крышку и тут же, обжегшись, уронил ее на пол.

— А-а-а... Санька, тащи посудину какую-нибудь... Бегом!

Санька кинулся к посудному шкафу, выхватил из него тарелку, в которую дед тут же принялся торопливо выгребать разбухшую вермишель. Но одной тарелкой дело не обошлось: лапша продолжала лезть наружу. Наконец старик долил в ополовиненную кастрюлю воды и снова накрыл ее крышкой.

— Я, видать, Санек, пропорции не выдержал. Ишь, неприятность какая приключилась... А ты чего смеешься-то?

— Да я, деда, вспомнил. — Санька кивнул на заставленный тарелками стол. — У нас с тобой как в книжке получилось.

— В какой еще книжке? — отмахнулся Иван Матвеевич, оттирая тряпкой заляпанную плиту.

— Ну в книжке! «Мишкина каша». Я недавно читал. Там пацаны кашу варили-варили, а она у них из кастрюли все лезла и лезла. Ну прям как у нас с тобой.

Иван Матвеевич почесал затылок.

— Ну что тут скажешь... Молодец, Санек. Правильные книжки читаешь. Я вот «Мишкину кашу» не читал, упустил как-то, и вишь, промашка какая вышла?

— Деда, пойдем лучше к бабе Наде, она тебя пловом накормит.

— Еще чего не хватало! Нет уж. Спасибо. Обойдусь как-нибудь. А ты смотри мне, — старик нахмурился, — не вздумай ей рассказать вот про это вот все... — Он кивнул на плиту. — Иначе дружба наша с тобой, Санька, врозь. Так и знай.

— Она, деда, переживает. Думает, что ты голодаешь тут.

— Переживает она... Раньше переживать надо было. Ты давай, Санек, это... Иди и скажи ей, что у деда Вани все вери гуд! Так и передай. Пусть не думает себе. Ступай-ступай... — Он подтолкнул внука к выходу. — Мне еще лапшу доваривать.

Санька, вздохнув, направился к двери.

— Вери гуд, вери гуд... Откуда только дедушки слова такие знают?

На следующее утро, пока жена была в магазине, Иван Матвеевич вышел в огород — лучка пощипать с грядки молоденького. Хоть какие-то витамины...

Здесь, у забора, у них с соседом и состоялся разговор.

Анатолий поздоровался первым:

— Здравствуй, Иван!

— Здоров... — неприветливо буркнул в ответ Иван Матвеевич.

Меньше всего ему хотелось сейчас общаться с соседом. Ночь не спал — бессонница совсем замучила. Да еще изжога эта проклятая. Раньше бы ему бабка — таблеточку какую: у нее на каждый случай свое средство заготовлено. А сейчас... Один — как бомж. Без всякого

медицинского вспомоществования. Так что настроение с утра хуже некуда. Тут еще этот... А между прочим, это из-за него у них с бабушкой такой кандибобер вышел!

— Мне моя Жанна Игоревна говорит, ты вроде как от Надежды ушел? Неужели правда?

— Ну ушел и ушел. Тебе-то что?

Анатолий с осуждением покачал головой:

— И как тебе живется — в сарае?

— Ну, допустим, не в сарае, а во времянке. А живется мне — дай бог каждому. У меня там теперь почище, чем у тебя дома. Я там такой порядок навел! Отмыл, отдраил все до блеска. Хожу теперь — жмурюсь, сам себе завидую!

— Возвращаться, значит, не думаешь?

— Еще чего!

— Напрасно ты, Иван, так. Напрасно. Разве можно? Надежда — такая женщина! И хозяйка отменная, и человек душевный, и просто красавица...

— Ты вот что, сосед, — сквозь зубы процедил Иван Матвеевич. — Ты в наши с женой дела не лезь. Понял, нет?

— Да разве я лезу? — всплеснул руками Анатолий. — Только ты, Иван, не прав. — Он скорбно приподнял брови. — Ох как не прав! Она же всю свою жизнь над тобой трясется. Неужели забыл, как три месяца тебя выхаживала, когда в гипсе лежал? С ногой-то? Э-э-э... Не помнишь. А когда сердце прихватило? Неблагодарный ты человек!

Старик, не дослушав соседа, резко развернулся и пошел прочь.

Иван Матвеевич включил телевизор. Настроение у него испортилось пуще прежнего.

— Ишь! Морали он мне будет читать. Святоша! Из-за него, можно сказать, ячейка общества распалась, а он же меня еще и воспитывает.

По местному каналу шли новости: губернатор кого-то награждал.

— Почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» присваивается преподавателю музыкальной школы Васнецовой Елене Ивановне.

У Ивана Матвеевича екнуло сердце: это ж Ленка! Одноклассница, любовь его первая! Он приник к экрану телевизора и прибавил звук. Сколько же лет они не виделись? Да сорок лет и не виделись, как женился, так и...

Любила она его!.. Ленка-то. Парни говорили, что даже к загсу приходила во время регистрации, плакала. Да только до того ли ему тогда было? Он же, дурак, кроме Надьки своей, ни о ком думать не мог. Ну надо же! Ленка... А может, не она? Да нет, точно она: и фамилия, и имя совпадают, и то, что в музыкалке работает.

Иван Матвеевич с удивлением отметил, что волнуется. Надо же — даже ладони вспотели. А ведь он, оказывается, все помнит... И родинку на шее, и губы мягкие, податливые, и даже запах волос. Старик напряженно вглядывался в экран, подслеповато щурясь. Изменилась, наверное? Конечно, изменилась — столько лет прошло.

Зал аплодировал. По направлению к сцене, сильно сутулясь, семенила какая-то сухонькая женщина. Подойдя к микрофону, она повернулась, и... Иван Матвеевич увидел испещренное морщинами лицо с седенькими, еле заметными бровками и ярко напوماженными губами. На сморщенной черепашьей шее красовался кокетливо повязанный красный газовый шарфик. Старушка улыбалась, кланялась, прижимая к груди букет. Зал продолжал аплодировать, а Иван Матвеевич заметил, что у его первой любви не хватает одного зуба.

Старик заплакал...

Вечером Иван Матвеевич напился. Крепко напился. Так-то он был не любитель. Разве что по праздникам, за компанию. По молодости, случалось, позволял себе лишнего. Ну так а кто не позволял? Не зря говорят: грехи молодости. Другое дело — старость. Какие уж тут грехи? Здоровья — чуть да маленько.

А тут вот согрешил. Да так, что не помнил, как до дивана дополз и отключился. Да и как не напиться от таких дел? На старости лет навроде сироты неприкаянной живет.

Ночью Иван Матвеевич проснулся оттого, что во рту пересохло. Не вставая с дивана, нашарил рядом на полу баклашечку с водой. Была у него с некоторых пор привычка: чтобы ночью лишний раз не подыматься, загодя водички себе приготовить. Прильнув к горлышку, хлебнул раз, другой и... поперхнулся. Что такое?! Ох ты ж! Перепутал! Не та баклашечка! Совсем забыл после генеральной уборки поставить на место моющее средство для посуды — так и осталось на полу, рядом с диваном.

Он подскочил как ошпаренный и, отплеываясь, кинулся к ведру с водой. Зачерпнув ковшиком, принялся пить — торопливо, взахлеб. Вскоре почувствовал, что содержимое просится наружу. Етить твою...

Зажимая рот ладонью, он выскочил за дверь и в панике заметался по двору. Наконец ринулся в огород. Забежав за теплицу, рухнул на колени и дал волю «чувствам». Его выворачивало так, что казалось — все кишки на грядках оставит. Жидкость, покинувшая чрево старика, красиво пенясь, пузырячатой рекой стремительно расплзлась по грядкам, заполняя собой все близлежащее пространство. Опроставшись, он обессиленно откинулся на спину, запрокинув всклокоченную бороду в ночное мглистое небо.

Ночь выдалась тихая, безмолвная... Легкий ветерок чуть слышно шевелил листву яблонь, склонивших свои ветви над измученным ликом

страдальца. Из палисадника доносился робкий щебет пробудившихся раньше времени птах, должно быть встревоженных дедовым икотным рыком. А на небе из-за набежавших с вечера туч выплыла сияющая золотистая луна. Ничто больше не нарушало ночное безмолвие. Старик лежал чуть живой, а из полуоткрытого его рта выдувались и медленно уплывали ввысь огромные, переливающиеся в лунном свете мыльные пузыри. Они плавно поднимались и устремлялись высоко вверх, цепляясь за ветви яблонь.

«Крас-сиво!» — подумал старик, любясь причудливой фантазмагорией, представшей его недужному взору. И тут же одернул себя. Вот выйдет бабка поутру, а ты уже того... остыл! В таком-то неприглядном виде. Стыдоба! Да еще все грядки ей испоганил. Тут, даже если сам не очоуришься, Надька добьет. Не-е-е... Так дело не пойдет. Отступить надо, пока не поздно. На ранее укрепленные позиции, так сказать.

Жалобно постанывая, Иван Матвеевич с трудом поднялся и, покачиваясь, направился к времянке, откуда уже доносилось беспокойное поскуливание Валета.

Проснулся Иван Матвеевич поутру — голова раскалывается... Сил нет! Да, завязывать, однако, надо с такой жизнью беспризорной. Не то либо язвю себе наживешь, либо траванешься чем.

И спина болит. Конечно, попробуй поспи на драном диване третью ночь подряд. Остеохондроз еще этот проклятый! Иван Матвеевич перевернулся на другой бок. А дома — матрас. Ортопедический. Дочь подарила. Почивал бы себе сейчас как младенчик. Горя бы не знал! Опять же, Надька за стеночкой... А тут, как сын, один.

«И чего я, в самом деле, взъелся на нее? Ну наговорила стгоряча. С кем не бывает?» Да и прав Анатолий... Сколько она для него сделала! Взять ту же историю про ногу про поломанную. Ведь Надежда за ним, как за дитем малым, ходила. Хотя, с другой стороны, ногу он сломал, надо сказать, по ее милости. Чё уж...

Приспичило ей, понимаешь, на чердак мешки со старым тряпьем перетаскивать. И, как всегда, не вовремя: по телевизору только-только новости начались. Нет, он и не отказывался помочь. Новости бы только одним глазом глянул. Тут в мире не пойми что творится! Америкосы совсем страх потеряли — санкциями грозят. Японцам — тем Курилы, понимаешь, отдай. В стране опять же все через пень-колоду. А этой хоть бы хны! Да и какая разница-то, когда эти мешки на крышу закинуть? Часом раньше, часом позже... Новости бы только посмотрел... Так нет, она же ни в какую. Сама поперлась!

Иван Матвеевич, чертыхаясь, отобрал у жены мешок. Полез. И вот уже под самым потолком впопыхах — все ж на нервах! — оступился, ну и... Загремел. А упав, так затылком об пол саданулся, что даже

отключился на какое-то время. Очнулся от Надькиных воплей. Сгоряча хотел подняться, да какое там! Боль в ноге такая, что шары на лоб лезут. Иван Матвеевич даже, грешным делом, матюгнулся сквозь зубы. Хотя сроду за ним такого не водилось.

Надежда сбегала за одеялом, кое-как перевалила на него пострадавшего и поволокла с веранды в дом. А в нем весу-то — девяносто кэгэ! Тацит она его, точно санитарка по полю боя. Сама подвывает от страха. А его и злость с одной стороны берет, что покалечился из-за жены родной, а с другой стороны — жалко бестолочь! Он ей:

— Брось меня, командир! Брось... — Ну вроде как рассмешить, напряжение снять.

А та еще пуще рыдать давай. И смех и грех...

Вспомнил он картину эту, и так вдруг неловко ему стало. Вот старый дурак! Разводиться он надумал. Да таких жен, как его Надька, еще поискать! Ведь чего только за сорок лет не пережили вместе!

Вот в этой самой времянке и начинали они свою семейную жизнь. С батей за месяц построили — к свадьбе торопились. Дело нехитрое: опалубку сколотили, шлаком залили, стены заштукатурили. Своими силами обошлись. Печника только пришлось приглашать. Родители предлагали молодым, пока те своим постоянным жильем не обзаведутся, с ними пожить — дом-то большой, просторный. Но они с Надюхой ни в какую! Шибко уж им самостоятельной жизни хотелось. Только во времянку перебрались, сразу принялись на кооператив копить. Правда, в квартире пожить им так и не довелось. К тому времени, когда они денег заработали, неожиданно умерли родители Ивана, один за одним. Сначала отец, следом мать. И ведь молодые ж совсем. Моложе его теперешнего.

Иван Матвеевич, вспомнив покойных родителей, потянулся за папиросами на тумбочке. Не вставая с дивана, закурил. Вот ведь, с армии не курил! Закуришь тут.

Да... А как мать схоронили, стали думать — что с домом делать. Ведь не сегодня завтра ордер на квартиру должны получить. Иван уже и ремонт начал. Ну что? Подумали-подумали — и решили отказаться они от кооператива. Рука не поднялась чужим людям родительский дом продавать.

Дочка на ту пору уже в школу пошла. А поначалу... Вот в эту самую времянку Танюшку из роддома и принесли. Обстановка: диван, по дешевке с рук купленный, да стол конторский списанный — отец с работы пригнал. Дочь первое время в ванночке для купанья спала.

Иван Матвеевич улыбнулся, вспомнив, как перепугался, когда Танюшку первый раз распеленали. Он же младенцев до этого не видал никогда. А тут... Лежит перед ним сморщенная, красная, в присыпке вся... Ручонки-ножонки тонюсенькие, кривенькие. И трясутся еще. Жуть! Больной, короче, ребенок. Невооруженным взглядом видать. А жена — ничего: агукает с дитем. Веселая такая! Чему радуется? Горе такое — урод родился! Шок, видать. Защитная реакция. Вот и делает вид, будто не замечает, что неведому зверушку народили. Не по себе Ивану стало, но виду

не подал, чтобы Надьку не расстраивать. Потом все ж таки не утерпел и остороженько так спрашивает: а чего, мол, с ребеночком такое? Ну тут Надежда ему, дураку, объяснила, что маленькие — они все такие. Не поверил. Вот только когда Танюшка щеки наела да лосниться начала от молока грудного, вот тогда только от сердца отлегло.

А дочка беспокойной была — кричит и кричит без конца. Бывало, проснется Иван ночью, смотрит: жена, над кроваткой согнувшись, стоит — грудью кормит. Окликнет ее, а она не отвечает — спит. Иван так в армии, в карауле у полкового знамени части, стоя спал. Так там хотя бы после дежурства днем давали отдохнуть. А тут? Тут и днем присесть некогда. Сам-то на работе с утра до вечера, а после работы да по выходным калымил — на квартиру зарабатывал. А Надька — одна. Это сейчас у них дома и газ, и туалет тебе теплый, и кабина душевая... А тогда? Печь истопи. За водой на колонку сходи. Стирка — на руках. Машинки стиральной и той попервости не было. Да огород еще. Так что о прежних ручках Надиных, на которые он наглядеться не мог, только память и осталась.

Нет... Все ж таки женщины — это особый народ. Ни один мужик такого не выдержит. То зубки у ребенка режутся — плачет, то животик, то еще беда какая приключится. Поди пойми, чего ему надо. А когда мастит у жены случился да грудь ей в больнице располосовали? У самой температура, грудь перебинтована, Танюшка не спит, орет-надрывается... А ведь ему тогда и в голову не приходило пожалеть жену лишний раз, приласкать. Не... Вроде как так и надо. Дурак молодой!

А девяностые?

Такое разве забудешь! После того, как завод закрыли, Иван Матвеевич почти целый год случайными заработками перебивался. То грузчиком в соседнем магазине, то дворником. Боялся: только бы знакомых не встретить. Стыдоба же! В недавнем прошлом — начальник цеха, уважаемый человек. А теперь вот — с метлой в руках. А куда деваться? Жить как-то надо. Дочь на ноги ставить: она в тот год в институт поступила. Денег на дорогу туда-обратно да там на поесть. Опять же, девчонка молодая — одеться хочется. А у нее с матерью — смешно сказать — одно пальто на двоих. То самое, которое он на последние деньги купил. Хорошо, жена в школе во вторую смену работала, а Танюшке на учебу с утра. Бежит в обед с занятий, торопится, чтобы пальто матери отдать, опоздает — той на работу идти не в чем.

Так что за любое дело хватался Иван. Даже в тюрьме довелось поработать. В охране. Бывший коллега, можно сказать, по благу устроил. И ведь что интересно... Кругом разруха, производства стоят, зарплату месяцами не платят. Только в тюрьме полный порядок: паек, форма. Атмосфера та еще, конечно, но... «Ничего, — уговаривал себя Иван, — уж как-нибудь». Через месяц-другой он и в самом деле вроде как пообвык. Да тут, на беду, в его дежурство зэка одного привели — в больницу отправить. Он рот себе проволокой медной зашил. В знак протеста: типа не желает с начальством разговаривать. Иван как глянул на этот

флешмоб... Ноги в руки — и в отдел кадров. Пропади она пропадом, служба такая.

В итоге и сам без работы, и Надьке в школе зарплату какой месяц не платят. В магазинах — шаром покати. На прилавках один сок березовый. Как сейчас помнит — в банках стеклянных, трехлитровых. И, главное дело, никто в толк взять не может — как так? Страна в три смены пашет, а в магазинах ни шиша. У них соседка на продуктовой базе работала, так она рассказывала, что на складах-то всего полно. Иван тогда не поверил. Да и как в такое поверить? Это уж потом все понятно стало. Когда в девяносто втором, сразу после Нового года, цены отпустили. Зашли они с женой в магазин, а там... Прилавки ломятся: и масло тебе, и колбаса пяти сортов, и сыр... В один день все появилось! Все, что душеньке угодно. И народу — никого.

Стоят они с Надькой, на ценники пялятся и понять не могут — это что? Сосиски? Тридцать рублей?! А были два рубля шестьдесят копеек. На молоко в десять раз цена выросла! На сыр — в шесть. «Шоковая терапия», ети ее!.. Вышли они из магазина. Посмотрели друг на друга... И давай хохотать! Ну естественно, истерика случилась. Хохочут-заливаются. До слез. А что еще делать остается, когда на Надькину учительскую зарплату только хлеб да молоко купить и можно?

Хоть плачь, хоть смейся, а жить как-то надо. Иван предложил кольца обручальные продать. Никаких других богатств за душой у них не имелось. Да только Надежда не согласилась. Примета, говорит, плохая. Хорошо, им знакомые подсказали, что кольца в ювелирном раскатать можно. Благо они у них широкие. Так и сделали. Из двух золотых шесть штук получилось. Два себе забрали, а за оставшиеся продавец тут же с ними и рассчитался. Вышли они из магазина, Иван из кармана кольца достал, взял Надежду за руку и, как двадцать лет назад, на палец её колечко это тонюсенькое и надел. Та в слезы.

А вскоре совсем худо стало. Зима — а дом топить нечем. В Гортопе машину угля заказать денег не хватало. И накопить — никак. Инфляция бешеная! Так они приспособились в розницу мешками покупать. На соседней улице ларек был, в нем летом капусту продавали, а зимой — уголь. Взвешат им на амбарных весах мешок, Иван на санки детские погрузит, на которых когда-то дочку катал, — и вперед.

И вот наконец — теперь уж и не вспомнить откуда — появились у них деньжата, и решили они сразу машину угля заказать. А в Гортоп идти надо было на другой конец города, да с утра пораньше, чтобы очередь занять. Машин, на которых уголь развозили, всего пара штук. Ну, очередь — это еще полбеды, уголь бы нормальный отгрузили. Хороший-то, окатыш, по благу своим отпускали, а остальным — что останется. Не хватало угля. Шахтеры по всей стране бастовали. Проторчали Иван с Надеждой на базе полдня, наконец подошла их очередь. Смотрят, а там вместо угля — земля голимая вперемешку с угольной пылью. Пошли к весовщику, а тот ухмыляется: бери, мол, чего? Нормальный уголек. И как

Иван ему тогда в морду не дал? Плюнул только, развернулся и домой по-шагал. Надежда — за ним.

Идут они обратно по мосту переходному через железнодорожные пути. Дошли до середины. Иван остановился, облокотился на перила, смотрит вниз, а внизу бабенки в жилетках оранжевых копошатся, молотками по рельсам стучат и таким матом отборным правительство дорогое кроют! А из репродуктора «блатняк» какой-то доносится. Тогда почему-то на каждом шагу «блатняк» этот играл. Вроде как и не уволялся из тюрьмы.

А я ушаночку поглубже натяну,
И в свое прошлое с тоскою загляну,
Слезу смахну,
Тебе тихонечко спою...

И так Ивану тошно стало. Так паршиво. Хоть кричи. Он и закричал. Во весь голос закричал. Страшно. По-звериному. И этот его жуткий, нечеловеческий крик слился с железным грохотом проходящего под мостом товарняка. Надька перепугалась, в рукав его вцепилась:

— Ваня, Ваня... Чего ты?!

А он:

— Да вот думаю: сигануть вниз головой с моста этого и не мучиться больше... Верить, нет, Надька, не могу унижения этого дальше терпеть. Край, понимаешь? Край... Как же я их ненавижу, тварей! Не-на-ви-жу...

Тут уж и Надька заревела в голос.

Он ей:

— Ты-то чего?

А у нее губешки трясутся.

— Тебя, — говорит, — жалко.

Вот так. А будь у него какая другая жена, еще неизвестно, как бы он все это пережил тогда. Вон у Костяна — в цехе у них работал мастером, пока завод не закрыли, — жена такая змея оказалась! Ультиматум ему выкатил: не найдешь работу — домой не приходи. Дескать, мужик должен в дом деньги приносить, а иначе он и не мужик вовсе.

А где найдешь ее, работу эту? Кругом разруха. Три завода в городе было. Три! И какие заводы! Все с молотка пошли. За копейки. Электромеханический, на котором Иван семнадцать лет оттрубил, и вовсе обанкротили. Сотрудников, двенадцать тысяч человек, — на улицу. Только производственные корпуса и остались. А завод этот еще отец его строил.

Зашел Иван как-то на территорию, а по цехам, в которых они с Костяном когда-то навигационное оборудование для космической отрасли производили, ветер гуляет. В административном корпусе — магазины кооперативные со шмотьем китайским. До гаража заводского дошел: стоит брошенный. И такое запустение кругом! Из щелей выветрившейся кирпичной кладки трава лезет, а из-под карниза клен молоденький

пробивается, мотыляется на ветру. Ну просто декорации к фильму про послевоенную разруху, ей-богу! А ведь не война. Ведь сами, своими руками...

А как радовались! Как радовались, дураки, еще недавно: перестройка, ускорение, гласность... Когда генсек-то новый пришел. Знать бы тогда, чем все кончится...

А Костян... Костян потыкался туда-сюда — не берут нигде. Он старше Ивана был, ему в ту пору за сорок уж перевалило. Ну и... Жена как-то с работы вернулась, а Костян — в кладовке. Висит.

Да... Не приведи господи такое еще раз пережить. Чудом тогда страна устояла. Чудом! А день, когда среди безнадеги той беспросветной душа его изверившаяся воспрянула, Иван Матвеевич на всю жизнь запомнил.

На краю их города располагался военный аэродром. Сколько себя помнил Иван Матвеевич, над домом его с утра и до вечера нарезали круги вертолеты. Выйдешь, бывало, в огород, а они над головой гудят. И белые купола парашютов в небе. Хорошо!..

Все это было неизменной частью его жизни. Как заводской гудок в детстве, зовущий родителей на работу. Как гимн Советского Союза из кухонной радиоточки по утрам. Как первомайская демонстрация — с ее шарами, транспарантами и песнями... И не-воз-мож-но, немислимо было представить, что все это однажды исчезнет! Что Родину его, ту, которой он присягал когда-то пацаном восемнадцатилетним, отменят. Враз! Раскромсают по живому. Растащат, распродадут — оптом и в розницу. И флаг спустят с флагштока Кремля. На камеру. Чтобы видели! И вся страна, точно в оцепенении, будет смотреть, как на фоне ночного неба медленно спускают пламенеющий в свете прожекторов красный стяг.

А Иван, глядя на экран телевизора, вспомнит отчего-то, как беспечно дремал он в карауле у полкового знамени части. Да... Вот так и проспала страну. И ведь никто — никто! — не вышел на ее защиту в тот момент, даже армия. В армии в то время такое творилось... Реформы, сокращения... Сколько офицеров на улицу выкинули. Буквально! Жилья-то никто не давал. А сколько из них, оказавшись без копейки за душой, руки на себя наложили, сколько спились, а кто-то и в бандиты подался. Техника, танки, самолеты — все разворовывалось, растаскивалось либо ржавело по пустырям. Денег даже на утилизацию не давали — мужики знакомые из военной части рассказывали. Горючего, авиатоплива для боевой подготовки — и того не было. Не избежал общей участи и вертолетный полк, что базировался в их городе. И над их с Надеждой домом на долгое время повисла гнетущая тишина. Будто умер кто. Кто-то, кого с детства знал и любил.

И вот как-то раз копают они с женой картошку в огороде, и вдруг слышит Иван: вроде гул знакомый. Поначалу ушам своим не поверил. Прислушался. Ну точно! Вертолет. И Надька тоже замерла. Стоят они, в небо всматриваются. А гул нарастает. И вдруг из-за девятиэтажки, что

по соседству, со стороны аэродрома — летит! Ми-2! За ним — второй, третий... Шесть бортов! Не успели они опомниться, как вертолетное звено с ревом пронеслось над их головами и, заложив крутой вираж, скрылось из вида.

Обалдевшие Иван с Надеждой, проводив взглядом вертолеты, еще какое-то время так и стояли. Молча. А когда наконец пришли в себя — обнялись и давай по огороду скакать... Иван мешок из-под картошки с земли подхватил, машет над головой.

— Ур-р-ра-а-а! — кричит. — Ур-р-ра-а-а...

Мешок грязный, земля с него сыплется. Иван хохочет! Надька ревет! Как всегда.

И ведь что интересно. Жить им в ту пору уже полегче было: жене зарплату перестали задерживать, Иван в кооператив устроился строительный, зарабатывать наконец-то неплохо начал. По крайней мере, над каждой копейкой больше не тряслись. Но вот только когда вертолеты эти в небе увидали — вот только тогда и поверили. Поверили, что не все... Не все еще потеряно, не все в распыл пустили, не все прахом пошло. И есть еще надежда. Есть! Это — как на войне. Когда уже и патроны на исходе, и враг напирает, и подмоги вроде неоткуда ждать. И вдруг вот они — свои! Родненькие! Дождались...

Дождались. А вот Костян не дождался. И сколько их таких еще не дождалось? А ведь Надя в самый тяжелый год ни разу Ивана за безденежье не попрекнула. Ни разу!

Иван Матвеевич поднялся с дивана и в волнении заходил по комнате. Что же он, старый дурак, а? Как же он мог все это забыть?

К операции по воссоединению семьи Иван приступил с раннего утра. Позвонил зятю и попросил купить в цветочном магазине самый роскошный букет. Ради такого дела была распечатана записка, предназначавшаяся для покупки нового съемного жесткого диска. На старом памяти совсем не осталось. А ему еще качать и качать для Саньки и книги, и учебники, и фильмы. Но ничего, диск подождет, раз такое дело.

Зятю было строго-настрого велено дочери ничего не говорить, чтобы та матери не проболталась. Потому как сюрприз! Однако же Иван Матвеевич посчитал, что одними цветами не обойтись. Тут надобно что-то особенное. За советом он решил обратиться к соседу.

— Ну не дураки ли мы, а, сосед? Ты подумай, ведь уж седьмой десяток лет, а все собачимся, все что-то доказать друг другу хотим. А сколько нам осталось-то! Ты погляди, сколько наших ровесников поумирало уже! — Иван Матвеевич в волнении размахивал руками.

— Это да, это да... — согласно кивал Анатолий.

— Виктора помнишь? — продолжал Иван Матвеевич. — На заводе с нами работал. С зятем расхлестался из-за гаража — вот тебе и инфаркт. А ведь он моложе нас с тобой! И на кой ему этот гараж, спрашивается? Он машину свою лет пять как продал.

— Охо-хо... — сокрушенно качал головой Анатолий.

— А Васька Иноземцев? В прошлом году от инсульта помер! Все мечтал новый холодильник купить, двухкамерный — «Бош»! На кой тебе, говорю, этот «Бош»? Он же стоит как крыло от самолета. Чем тебе старый плох? Жене, говорит, приспичило. Будет, говорит, на зиму овощи морозить. Кому морозить? Вдвоем живут. А он же, Васька, царствие ему небесное, прижимистый был. Пожадничал грузчикам заплатить, вдвоем с соседом и поперли на третий этаж. Сосед — ладно, он кабан здоровый, молодой. А Васька-то? Ну и все — удар!

— Все так, все так...

— Нет, ты видишь, сосед, к чему дело идет? Снаряды-то уже рядом ложатся! Да мне, может, жить осталось два понедельника. Ты знаешь, Толян, у меня прям глаза открылись. Нам с тобой в нашем-то возрасте каждому дню радоваться надо. А жены наши? Сколько они от нас за всю жизнь натерпелись? А?

— Ну, Иван... — Анатолий фарисейски опустил глаза. — Ты уж не обобщай. Я-то к своей Жанне Игоревне всегда с большим моим уважением. А вот ты и впрямь...

— Скажешь тоже... — отмахнулся Иван Матвеевич. — С уважением! А то я не знаю, как ты с Тамаркой из отдела кадров шуры-муры крутил.

— Ну уж это ты напрасно! — Сосед задохся от возмущения.

— Да ладно тебе, — одернул его Иван Матвеевич примирительно. — Ты лучше скажи, чего мне моей-то на годовщину свадьбы подарить? Чем удивить?

— Ну что-что? Букет подари.

— Да тут одного букета мало.

— Купи ей скороварку. Полезная в хозяйстве вещь.

— Да ну тебя, Толян! — махнул рукой Иван Матвеевич. — Скороварку! Что это за подарок такой на годовщину свадьбы? Сомнительный какой-то подарок. Вроде как с намеком. Кашеварь, дескать, и дальше для меня. А еще поэт, называется! Не, тут что-то такое надо, понимаешь, чтобы ух!.. Во! — У Ивана Матвеевича загорелись глаза. — Я ей стихи напишу.

— Стихи... — снисходительно усмехнулся Анатолий. — Думаешь, это так просто? Тут ведь талант нужен! Ну или какие-никакие способности, на худой конец. А он: сроду не писал и вдруг — на тебе!

— А что? — вскинулся старик. — Думаешь, не напишу? Напишу! Не сомневайся. Не хуже тебя напишу.

Иван Матвеевич мучился до самого утра. Он то широко вышагивал по комнате, еле слышно бубня себе под нос и решительно отсекая рукой стихотворный ритм. То с ходу плюхался в кресло и, запустив пальцы во всклоченную шевелюру, раскачивался из стороны в сторону, стена, как от зубной боли. То вдруг подскакивал — хватался за бумагу, карандаш и торопливо записывал пришедшие на ум строчки. И тут же, в ярости скомкав бумагу, кидал ее в угол комнаты. Со злости он пару раз даже стукнул лбом об косяк: а-а-а!.. Вот они муки творчества! Раньше думал — это так, фигура речи... А теперь понял: не-е-е! Никакая не «фигура»! Самые что ни на есть муки.

А тут еще, не иначе как на нервной почве, тахикардия началась. «Ну вот, не хватало еще загнуться накануне рубиновой свадьбы», — подумал Иван Матвеевич, закидывая под язык таблетку.

И вот наконец, когда за окном забрезжило, на белоснежный лист бумаги из-под пера мученика излилось:

Веришь, нет? Я не спал этой ночью.
Сорок лет — это ж очень и очень!

Пробравшись на цыпочках в комнату спящей жены, Иван Матвеевич поставил купленную зятем корзинку с букетом на пол рядом с кроватью и направился было к выходу, но тут же передумал. А если не заметит, когда вставать будет? Наступит. На подоконник? Нет, места мало.

Наконец он принес из кухни табуретку, уложил на нее букет и тут же пристроил листочек со стихами.

Надежда Петровна, пока он копошился, едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться, не выдать себя. Букет она еще вечером обнаружила, заглянув к мужу во времяянку. Завтра годовщина, гости придут, а тут на тебе — брань междоусобная. Хочешь не хочешь, а мириться надо. Но мужа, как нарочно, на месте не оказалось. Окинув взглядом холостяцкое жилище, Надежда Петровна машинально поправила занавеску и неожиданно обнаружила припрятанные цветы.

То-то же! Она приосанилась, расправила плечи и победно улыбнулась.

И вот теперь, доигрывая, так сказать, финальную часть семейной трагикомедии, Надежда Петровна старательно притворялась спящей.

Старик же, пристроив букет, прилег в зале на диван в ожидании, когда его благоверная проснется. Он заранее представлял, как та удивится и обрадуется. Да что там удивится — восхитится! Это ж кому сказать — не поверят: он, Иван Переладов, сам стихи написал.

Жена, как назло, долго не вставала. То ни свет ни заря подыметесь, а тут разоспалась.

Пока ждал, он и сам закемарил.

И приснилось ему, будто стоит он на берегу моря. А море синее-синее. И солнце! Столько солнца вокруг, столько солнца — как в детстве! И так оно спит — глазам больно. И радуга — с одного берега на другой. И... пузыри мыльные вокруг. Огромные-преогромные! Переливаются в солнечных лучах.

Загляделся старик на этакую красоту! Хочет он отражение свое в них рассмотреть, да только вместо себя Надю видит. Но не теперешнюю, а ту — его Надю. Молодую, красивую. Смотрит она на него и хохочет. Заливается прямо. И так радостно ему, так волнительно, прям сердце обмирает.

Проснулся и в уголках глаз слезы почувствовал.

С улицы доносились радостные, возбужденные голоса и смех: соби-
рались гости.

Старик поднялся с дивана и зашел в комнату жены. На аккуратно за-
правленной кровати лежал свернутый бумажный листок. Иван Матвее-
вич развернул его:

Верю я, что не спал этой ночью.

Столько лет не живут — это точно!

«Вот хохляндия!» — Иван Матвеевич утер повлажневшие от умиле-
ния глаза и пошел встречать гостей.

